

Снегопад всё не утихал, и Аль-Хайтаму пришлось задержаться в лесной избушке.

К счастью, хозяин дома оказался человеком радушным. Он принял гостя со всем гостеприимством и даже достал свои лучшие запасы — крепкий, выдержанный алкоголь, который прятал в тайниках дома. Аль-Хайтам не стал отказываться от настойчивого угощения, сделал несколько глотков, и вскоре в голове у него приятно зашумело.

«Куда крепче сумерского вина. Стоит сделать глоток — и кровь закипает в жилах. Отличное средство, чтобы согреться в стужу. Пожалуй, этот напиток мог бы поспорить со знаменитой „огненной водой“ из Снежной»

Позже, поддавшись хмельному забытью, Аль-Хайтам в полусне набросал эти строки на чистом листе бумаги.

Проснувшись утром и взглянув на размашистый, неровный почерк, он недовольно нахмурился. Без лишних раздумий он с треском вырвал испорченную страницу и аккуратно, каллиграфическим почерком переписал всё заново на другом листе.

Когда охотник снял меховую шапку, оказалось, что он мужчина в самом расцвете сил, лет тридцати пяти. Под его густой окладистой бородой угадывались благородные, глубокие черты лица. Он совсем не походил на простого отшельника, который долгие годы провёл в лесной глуши, борясь за выживание.

Сблизившись с хозяином дома, Аль-Хайтам узнал его имя — Серёжа.

Раз в несколько дней Серёжа уходил на промысел, а всё свободное время проводил у камина, увлечённо сочиняя длинное письмо. И слово «длинное» здесь не было преувеличением: стопка исписанных листов на столе росла на глазах.

Должно быть, глубокие сугробы отрезали избушку от внешнего мира, лишив его возможности отправить весточку.

Послание копилось день за днём, и теперь, когда Серёжа брал его в руки, пачка едва умещалась в ладони.

— Удивительно, что ты понимаешь наши книги, — искренне изумился Серёжа, когда заметил в руках гостя томик русской прозы, завалившийся на пыльной полке в углу. Аль-Хайтам меньше всего походил на коренного русского.

— Я просто немного занимался лингвистикой, — скромно ответил Аль-Хайтам.

— Если ты без труда читаешь такие труды, это явно больше, чем просто «немного», — весело рассмеялся Серёжа. Из-под густой бороды не было видно его улыбки, но добродушный,

раскатистый смех говорил сам за себя. — Впрочем, в этой глуши тоска смертная. Любая безделица сгодится, чтобы скоротать время.

С этими словами Серёжа деликатно удалился, чтобы не мешать гостю. Он устроился в своём кресле у огня и вновь принялся дописывать бесконечные страницы.

Книга оказалась сборником сентиментальных дворянских романов — из тех, что пишут от праздности и скуки. Аль-Хайтама не привлекал выпренный, пустой слог, но он читал внимательно, надеясь почерпнуть из текста сведения о географии и, возможно, эпохе, в которой очутился.

Он читал быстро, но фолиант был столь внушительным, что на это ушло несколько дней. Такой увесистый том при желании вполне можно было использовать вместо кирпича — весил он прилично.

Сомнений не оставалось: это была Россия.

Достаточно было взглянуть на изящный, хотя и изрядно потрепанный временем переплёт, чтобы понять — книга повидала виды.

— Ну и как тебе? — поинтересовался Серёжа в один из дней, когда решил устроить себе передышку и не пошёл на охоту.

— Слишком запутанная и приторная любовная драма, — честно ответил Аль-Хайтам. Скрывать своё мнение он не видел смысла. Романы и впрямь казались ему невыносимо скучными.

— Согласен, написано дурно и поверхностно, — кивнул Серёжа. Наконец-то ему встретился собеседник, способный поддержать разговор, и охотник поспешил выплеснуть всё, что накопилось у него на душе за долгие дни одиночества. Слова лились из него бурным потоком, словно рухнувшая стопка сена.

— Позволь мне сказать... Я ведь тоже люблю одну женщину.

Он замолчал на мгновение, вглядываясь в огонь.

— Ты ещё слишком молод и вряд ли поймёшь это чувство.

Глаза Серёжи лихорадочно блеснули. Его охватило такое волнение, что на ресницах выступили слёзы, отражавшие пляшущие блики камина.

— Стоит мне увидеть её, услышать её голос, как весь мир вокруг перестаёт существовать. Она — моя муза, мой бог. Когда она рядом, пускай меня хоть за горло берут, хоть ружьё к виску

приставляют — мне всё равно!

Он увлечённо рассказывал об их духовном родстве, о её пылком, ярком характере. Говорил, что другой такой женщины нет на всём белом свете.

Аль-Хайтам слушал его скептически. Он полагал, что подобные идеальные люди едва ли существуют в реальности. Слепая влюблённость всегда склонна обожествлять объект страсти, лишая человека объективности.

— А ты не сомневайся! — воскликнул Серёжа, заметив недоверие во взгляде молодого учёного. — Настоящая любовь именно такова — одновременно пошлая и священная!

Охотник, умудрённый годами, без труда прочитал сомнения на лице своего гостя. Впрочем, его это ничуть не обидело: в юности он и сам скептически относился к разговорам о вечной и возвышенной любви. Но судьба распорядилась иначе. Кто бы мог подумать, что он сам окажется в этой ловушке?

Серёжа посмотрел на строгого, прагматичного юношу. Аль-Хайтам был так молод, так непоколебимо уверен в своих суждениях и ни в чём не сомневался.

Однако люди меняются незаметно для самих себя. В девятнадцать лет человек смеётся над своей детской глупостью; в тридцать — завидует былой юности; а перешагнув за пятьдесят, сокрушается о прожитых впустую годах. Даже мудрецы не застрахованы от этой участи.

Серёжа ободряюще похлопал Аль-Хайтама по плечу, советуя не упускать время и позволить себе совершить какую-нибудь глупость — например, отдаться безумной, всепоглощающей страсти.

— Благодарю за совет, но у меня нет подобных намерений, — твёрдо ответил Аль-Хайтам, качнув головой.

— Что ж, всему своё время, — примирительно вздохнул Серёжа. Ему показалось, что в глубине глаз молодого учёного на миг промелькнуло замешательство, но он счёл это игрой света.

«Эх, вечная беда этих интеллектуалов... Пытаются препарировать чувства с помощью сухих теорий»

«Пускай я глупец, зато честен перед самим собой, а это удел немногих умных людей»

Охотник покачал головой и подбросил в камин полено. Огонь, начавший было угасать, вспыхнул с новой силой, озарив комнату тёплым янтарным светом.

Молодой человек казался ему слишком закрытым, словно захлопнувшаяся раковина моллюска, хотя у него впереди было полно времени для ошибок. Но эта нерешительность вызывала симпатию: она говорила о том, что юноша бережно и серьёзно относится к своим чувствам. Ведь именно от страха ошибиться люди бегут от любви.

— Эх, молодость... Зелён ещё... — пробормотал Серёжа, потягиваясь всем телом так, что хрустнули суставы. За долгим разговором он изрядно утомился.

Он устроился поудобнее в кресле, накрылся тёплым пледом и под тихий стрёкот жира на вертеле принялся лениво перелистывать ту самую книгу, которую ещё недавно ругал за скуку, постепенно погружаясь в дремоту.

Многодневный снегопад наконец-то прекратился.

Сугробы на крыше избушки спрессовались в тяжёлые, ледяные пласты. Упадёт такой на голову — костей не соберёшь.

Аль-Хайтам попытался сосчитать, сколько дней провёл в этом затерянном приюте, но быстро сбился. В разгар зимы день и ночь сливались в бесконечное белое море, от которого слезились глаза.

«Пора уходить»

Он перевёл взгляд на Серёжу, который увлечённо протирал стёкла, подметал пол и сноровисто чистил охотничье ружьё, проверяя патроны.

Движения хозяина дома были слегка неуклюжими — чувствовалось, что домашние хлопоты ему не в радость. Тем не менее он честно очистил крышу от снега. Избушка, избавленная от белого плена, обрела свой первозданный вид, пусть и ненадолго.

— Ну что, друг мой, решил продолжить путь? — первым спросил Серёжа, не дожидаясь, пока Аль-Хайтам заговорит сам. Он жестом пригласил его за стол, а сам принялся хлопотать в углу, после чего вынес гостю увесистый холщовый мешок.

— Я не могу это взять...

— И слушать ничего не желаю! Ты ведь уходишь налегке. К тому же у меня к тебе будет одна деликатная просьба.

Серёжа аккуратно сложил накопившиеся письма, стопка которых за последние дни заметно выросла. Он поместил их в плотный, вместительный конверт, заполнив его до отказа, растопил сургуч и прижал тяжёлую печать, оставив на воске изящный фамильный оттиск.

Повернувшись к Аль-Хайтаму, он устремил на него пристальный взгляд.

— Прошу тебя, доставь это письмо по указанному адресу.

В его глазах читалась молчаливая, отчаянная мольба.

Аль-Хайтам принял конверт. На лицевой стороне красовался выведенный каллиграфическим почерком адрес. Чернила на бумаге слегка выцвели и побледнели в тех местах, где их часто касались пальцами.

— Хорошо, — кивнул Аль-Хайтам.

Он закинул за плечи тяжёлый мешок, который Серёжа набил вяленным мясом, домашней колбасой и хлебом, и шагнул за порог, навстречу робким солнечным лучам, пробивавшимся сквозь кроны деревьев.

Теперь, одетый в добротное тёплое пальто и меховую шапку, он чувствовал себя куда увереннее, чем в тот день, когда едва не замёрз насмерть в этих лесах. Шаги его были лёгкими, а снег приятно хрустел под ногами.

Пройдя приличное расстояние, Аль-Хайтам обернулся. Избушка охотника бесследно исчезла среди деревьев, словно её там никогда и не было.

«Вот оно как...»

Аль-Хайтам окончательно утвердился в своих догадках. Слова Серёжи о том, что он давно не видел людей, обрели смысл. Хозяин лесного приюта был эспером-отшельником, использующим свои скрытые способности, чтобы укрыться от мира, а возможно, и от конкретных преследователей.

«Должно быть, обстоятельства вынудили его бежать»

Вспомнив бережно запечатанное письмо и тот нежный, тоскливый взгляд, которым Серёжа провожал конверт, Аль-Хайтам ощутил уколы лёгкой грусти.

Трудно представить более суровое наказание для общительного, жизнерадостного человека, чем добровольное изгнание в лесной глуши, вдали от той самой музыки, ради которой билось его сердце. Но у него, очевидно, не оставалось иного выбора.